

Джоанна КЭННОН

Джоанна КЭННОН

ТРИ ФАКТА
ОБ ЭЛСИ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44
К98

Серия «Свет в океане»

Joanna Cannon
THREE THINGS ABOUT ELSIE

Перевод с английского *О. А. Мышаковой*

Компьютерный дизайн *В. А. Воронина*

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
Conville & Walsh Ltd. и Synopsis

Кэннон, Джоанна.

К98 Три факта об Элси : [роман] / Джоанна Кэннон ;
[пер. с англ. О. А. Мышаковой]. — Москва : Изда-
тельство АСТ, 2018. — 384 с. — (Свет в океане).

ISBN 978-5-17-106266-8

Флоренс Клэйборн лежит на полу без движения, в ожи-
дании кого-то, кто окажет ей помощь, — и в ее памяти про-
кручиваются разные события и факты...

Факт № 1: Когда-то сестра ее лучшей подруги Элси по-
гибла от руки своего жениха Ронни Батлера.

Факт № 2: Сразу же вслед за этим погиб и он сам.

Факт № 3: И вот совсем недавно Флоренс узнала вдруг
в пианисте Габриэле Прайсе живого и невредимого Ронни
Батлера. А тот принялся строить козни, чтобы свести ее с ума
или по крайней мере заставить всех поверить в ее сумасше-
ствие...

Поэтому Флоренс решила сама во всем разобраться и
выяснить наконец правду.

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

© Жоанна Каннон, 2018

© Перевод. О. А. Мышакова, 2018

ISBN 978-5-17-106266-8 © Издание на русском языке AST Publishers, 2018

Джорджу и Флорри

16:48

«КАК ЖЕ ЭТО ВЫ ТАК УПАЛИ, ФЛО? — спросят они меня, когда найдут. — Голова закружилась? А вы были в очках? Вы что, споткнулись?»

За разговором они будут делать свою работу: наденут мне манжету повыше локтя, прицепят на палец пластиковый зажим и распутают провода от одного из своих приборов. Посветят фонариком мне в глаза, переберут мои лекарства и сложат их в одну из своих сумок.

«Вам стало дурно? Можете улыбнуться? А мою руку сжать можете?»

Меня вынесут из коридора, причем им придется попотеть — здесь и одному тесно, а двум мужчинам в специальной форме и вовсе не повернуться. Через задние двери «Скорой» загрузят в ослепительно-белый медицинский мир, где исчезнет всякий внешний шум, и я буду моргать и щуриться, силясь что-нибудь угадать по их лицам.

«Все хорошо, Фло, — скажут они. — Все будет хорошо, Фло».

При том, что мы с ними не добрые знакомые и я не разрешала называть меня Фло. Так меня называет только Элси.

Один из них сядет рядом со мной, когда машина помчится по улице под синей мигалкой. Голубой свет

будет пробегать по его лицу, время от времени он станет мне улыбаться, и в полумраке его рука найдет мою.

А в больнице меня на дребезжащей каталке провезут в приемный покой неотложки через двойные красные двери. Там будут люди с теми же вопросами и яркими фонариками, меня повезут по пустым коридорам и обследуют всякими приборами. Девушка на посту поднимет голову, когда меня будут везти мимо, — и отвернется: очередная старуха на каталке, завернутая в одеяла и цепляющаяся за этот мир.

Мне найдут сиделку и медсестру с тихими руками. Сиделка будет двигаться без суеты, но делать все проворно, а медсестра окажется человеком, который действительно выслушает меня. Постель будет теплой и гладкой, и я не стану беспокоиться, даже когда погасят свет.

Всему, о чем я вам рассказываю, еще только предстоит случиться: сейчас я лежу на полу гостиной в ожидании, когда меня найдут, когда кто-нибудь спохватится, куда это я делась.

У меня много времени до их приезда, чтобы продумать все, что я скажу. Много времени, чтобы вспомнить все с самого начала и рассказать так, дабы услышанному поверили — и приняли его. Может показаться, что в тишине легче думается, но это не так. Единственный звук, который я слышу, — мое собственное дыхание, прокладывающее дорогу в тело и обратно вопреки всему. Стоит фразе получиться стройной и убедительной, как она ускользает от меня, и приходится начинать заново.

«Сосредоточься, Флоренс, — всегда твердит мне Элси. — Концентрируйся на каждом слове, не торопись».

Но Элси здесь нет, она мне не поможет. Придется подбирать слова самой и среди них найти место и для молчания. В жизни каждого человека есть тайна — то, о чем он никогда не говорит. У каждого есть слова, которые он держит при себе. Так поступают с по-настоящему важными секретами. Вы таскаете их с собой всю жизнь, как тяжелый неудобный чемодан, или находите, кому довериться. Я решила, что унесу свою тайну с собой, но сейчас, лежа в ожидании, когда меня найдут, я невольно беспокоюсь, что так в итоге и получится, и финальные слова моей истории прозвучат в комнате, полной бежевого цвета и забывчивости, и никто их не услышит. Впрочем, невозможно узнать, что ты на последней странице, пока на ней не окажешься.

Неужели это и вправду финал?

Неужели вечность для меня начнется сейчас?

Флоренс

Все началось месяц назад, в пятницу утром. Я осматривала комнату, гадая, куда делся тележурнал, когда заметила непорядок.

Слоник на каминной полке был развернут. Он всегда стоит головой к окну — я где-то вычитала, что это приносит удачу. Конечно, я знаю, что удача здесь ни при чем, но это как ставить новые туфли на стол или разминуться с кем-то на лестнице: засядет мысль в голове, и тебе как-то неловко, что ты не следуешь общим правилам. Я бы обвинила кого-нибудь из обслуживающего персонала, но я всегда прохожусь с пылесосом после ухода уборщицы — и необходимо, и время убивает, так что слоника я бы заметила сразу. Я все замечаю.

— Вы что-нибудь видите?

Это мисс Амброуз, пришла на нашу еженедельную беседу — неугомонная, пахнет лаком для волос, двоюродная сестра живет в Труро. Я решила ее испытать. Мисс Амброуз оглядела комнату, но сразу было понятно, что она рассеянна и не пытается сосредоточиться.

— Смотрите лучше, — велела я. — Со всем вниманием.

Мисс Амброуз разматывала шарф.

— Смотрю, — согласилась она, — смотрю.

Я подождала.

— Слоник. Слоник на каминной полке! — Я ткнула пальцем. — Повернут к телевизору, а ведь всегда стоял головой к окну! Его переставили!

Мисс Амброуз спросила, нравится ли мне эта перемена. Перемена! Тыча пальцем в направлении слоника, я отдельно сказала:

— Я этого не делала.

Мисс Амброуз не приняла услышанное всерьез. Она никогда мне не верит.

— Должно быть, его повернула одна из уборщиц, — предположила она.

— А вот и нет! Когда я вчера ложилась спать, слоник стоял правильно. А когда я проснулась сегодня утром, он оказался развернут вот так!

— Флоренс, вы что, опять вытирали пыль? Вытирать пыль — наша забота.

Я упорно рассматривала батарею, пряча глаза.

— Даже и не думала.

Мисс Амброуз села в кресло у камина и еле слышно вздохнула:

— Может, он упал?

— И сам забрался обратно?

— Но мы же не всегда все помним! Кое-что мы делаем автоматически, не думая. Наверное, вы машинально поставили его обратно.

Я подошла к каминной полке и повернула слоника головой к окну, демонстративно глядя на мисс Амброуз.

— Это же безделушка, Флоренс! Как бы она ни стояла, от этого вреда не будет. Поставить чайник?

Я упрямо смотрела на слоника, слушая, как мисс Амброуз роется в кухонных шкафчиках в поисках имбирного печенья.

— В кладовке на верхней полке! — крикнула я. — Сразу увидите.

Мисс Амброуз вышла из кухни с подносом.

— Вообще-то на нижней, — уточнила она. — Я же говорю, мы не всегда фиксируем наши действия.

Я рассматривала ее джемпер. По низу были нашиты помпончики всевозможных цветов.

— Ну, допустим, не фиксируем, — скрепя сердце отозвалась я.

Мисс Амброуз присела на краешек кресла. Она всегда одевается очень нарядно; жаль только, лицо подкачало, не вписывается в образ. Мы с Элси однажды спорили, сколько может быть лет мисс Амброуз. Элси утверждала, что под сорок, но я уверена — этот поезд ушел, и даже рельсы разобрали. Мисс Амброуз всегда выглядела особой с хронической бессонницей, надеявшейся обмануть весь мир толстым слоем губной помады и энтузиазма. Я снова уставилась на батарею отопления, потому что у мисс Амброуз есть привычка вычитывать по глазам сокровенное.

— Как ваши дела, Флоренс?

На батарее двадцать пять бороздок.

— Спасибо, прекрасно.

— Чем занимались на этой неделе?

Бороздки трудно сосчитать, потому что, если долго на них смотреть, начинает рябить в глазах.

— У меня много дел.

— Мы нечасто видим вас в общей гостиной, а ведь там проходит много интересных мероприятий. Вот разве не интересно было бы вчера делать открытки?

У меня целый стол таких открыток. Я могу поздравить полдюжины людей с рождением их прекрасной дочери, просто потянув за ручку выдвижного ящика.

— Ну, может, на следующей неделе, — отозвалась я.

Мисс Амброуз глубоко вздохнула. Это не предвещало ничего хорошего: обычно она набирает побольше воздуха перед спором.

— Флоренс, — начала она.

Я промолчала.

— Флоренс, я лишь хочу убедиться. Вам хорошо у нас в «Вишневом дереве»?

Голос у мисс Амброуз к концу фразы часто идет вверх, будто мир кажется ей настолько неопределенным, что она вынуждена все время переспрашивать. Я отвернулась к окну. Сплошь кирпич и бетон, прямые линии и резкие углы, крошечные окна в маленькие жизни. Линии горизонта не видно. Я никогда не думала, что лишусь горизонта вместе со всем остальным, но только в старости понимаешь: куда ни повернешь, все равно будешь наткаться взглядом на зияющие утраты.

— Не исключено, что нам нужно еще раз подумать — подходит ли вам «Вишневое дерево», — сказала мисс Амброуз. — Может, где-нибудь в другом месте вам будет лучше?

Я повернулась к ней:

— В «Зеленый берег» вы меня не отправите!

— В «Зеленом берегу» гораздо больше сотруди-
ков. — Мисс Амброуз наклонила голову вбок, отчего
у нее на шее натянулась дряблая кожа и показались
мелкие морщинки. — Вам будут уделять куда больше
личного внимания.

— Не хочу я личного внимания! Я вообще не хо-
чу никакого внимания! Я мечтаю, чтобы меня оста-
вили в покое!

— Флоренс, с возрастом мы теряем способность
понимать, что для нас лучше. Так бывает со всеми.
Может, вам еще понравится в «Зеленом берегу»? Ну,
вдруг там интересно?

— Чего уж тут интересного, когда никто тебя не
слушает, — буркнула я батарее.

— Простите, что?

— Я туда не поеду. Вы меня не заставите!

Мисс Амброуз начала было говорить, но сдержалась.

— Почему бы нам не поискать компромисс? Да-
вайте посмотрим, как пойдут дела в ближайший...
ну, скажем, месяц? И заново оценим сложившуюся
ситуацию?

— Месяц?

— И повторная оценка ситуации. Со всех точек
зрения. Испытательный срок.

— Испытательный?! Это какое же преступление
я совершила?

— Это фигура речи, Флоренс, не более того. —
Каблуки мисс Амброуз выбили короткую дробь на
ковре. Она тянула паузу в расчете, что я кинусь ее
заполнять, и она найдет, за что зацепиться. Но у меня
хватило ума промолчать.

— Завтра днем покажут «Унесенных ветром», — не выдержала она, когда пауза затянулась.

— Я смотрела, — отрезала я.

— Весь мир смотрел, не в этом дело...

— Я никогда не была поклонницей Кларка Гейбла.

Я по-прежнему не сводила взгляда с батареи, но слышала, как мисс Амброуз подалась вперед.

— Вы не можете похоронить себя в этой квартире, Флоренс! Испытательный срок на месяц, помните? Вы должны пойти мне навстречу.

Я хотела сказать: «С какой стати мне идти кому-то там навстречу?» — но вместо этого сосредоточилась на батарее, пока не услышала звук закрывшейся двери.

— У него изо рта воняло, у Гейбла вашего! — заорала я. — Я читала об этом. В журнале!

Есть три вещи, которые вам надо знать об Элси. Первое — она моя лучшая подруга.

Люди ссорятся с лучшими друзьями и выбирают новых — то тот, то этот, смотря по настроению и компании, но моей лучшей подругой всегда была и останется Элси. В этом и состоит смысл понятия «лучший друг», не правда ли? Тот, кто тебя поддерживает, что бы ни случилось. Не могу сказать, что за столько лет нам не случалось ссориться, но это из-за диаметральной противоположности характеров. Мы даже внешне антиподы: Элси низенькая, а я высокая, Элси миниатюрная, а у меня большие ноги, я ношу обувь восьмого размера*. И не скрываю, и всем об этом говорю. Потому что, как сказала Элси, раз уж достались такие ступни, остается ими хвастаться.

---

* 8-й британский размер — 41-й российский.

Большую часть времени мы проводим вместе, я и Элси. Мы даже обедаем вдвоем — так легче обслуживающему персоналу, да и нам веселее: ведь ничто в мире не звучит так одиноко, как один нож и одна вилка, звякающие по тарелке.

Некоторое время спустя после ультиматума мисс Амброуз мы с Элси сидели в моей квартире у окна и обедали.

— Пока никто не показывался, — произнесла я.

Я знаю, что она меня слышала, женщина в розовой форме. Она со своей тележкой стояла в трех футах, накладывая нам еду в тарелки, а я говорю четко даже в худшие времена. Элси говорит, что я кричу, но я не кричу, а просто хочу быть уверенной, что меня поняли, даже постучала вилок по бокалу.

— Я про номер двенадцать, — громко сказала я. — Говорю, оттуда еще никто не показывался. А там уже несколько дней кто-то живет — я видела свет!

Женщина в розовой форме, не дрогнув, шлепнула мне на тарелку печеных бобов.

Элси подняла на меня глаза:

— Не кричи, Фло.

— Я не кричу, — возразила я, — я высказываю свое мнение! Мне уже мало что позволяют делать, но высказывать свое мнение пока не запретили. И контейнер еще не увезли. Вот дождутся они у меня письма!

— Так почему ж ты не напишешь? — спросила Элси.

Я взглянула на нее и снова отвела глаза.

— Не могу, мне поставили ультиматум.

— То есть?

— Мисс Амброуз дала мне испытательный срок, — сообщила я, глядя в стакан.